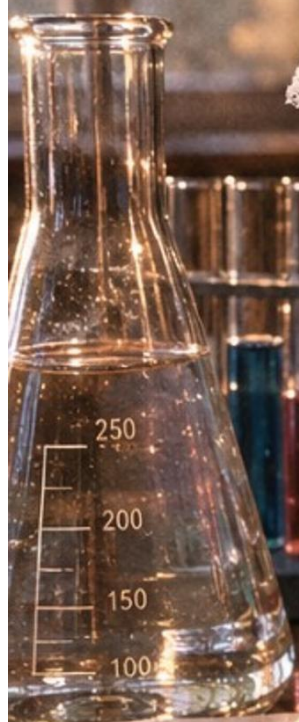

Лилу

Химия на 7 уроке

Школьная любовь,
воспоминания о школьных годах,
первая любовь и записки
«под тетрадь»

Ты —
моя самая
красивая
реакция

Лилу

Химия на 7 уроке

«Автор»

2026

Лилу

Химия на 7 уроке / Лилу — «Автор», 2026

На уроке химии школьник влюбляется в новенькую одноклассницу. Они обмениваются тайными записками под тетрадями, а во время лабораторного опыта их робкая симпатия находит выход во взглядах и коротком признании. Спустя годы герой понимает, что та химия стала его главным уроком взросления.

Содержание

Первая симпатия под звуки химии	5
Новое чувство за партой	5
Записки между строчек	6
Звонок на перемену — сердце бьётся чаще	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лилу

Химия на 7 уроке

Первая симпатия под звуки химии

Новое чувство за партой

В тот день химия началась как обычно: скрип парты, запах мела и сухой голос учителя, который уверенно говорил про тему 7-го урока. Мы рассаживались по привычке, будто и не замечали, как быстро меняется класс. Я уже почти не слушал, пока не почувствовал странное, колющее внимание — не то чтобы на меня смотрели, а будто взгляд сам искал кого-то в воздухе рядом. Тогда я и увидел её. Новенькая сидела за соседним рядом парт, чуть ближе к окну, и держала ручку так сосредоточенно, словно от аккуратности зависел ответ всего мира.

Учитель объяснял, как из простых вещей получается что-то новое, и приводил примеры, которые мы должны были записать. Я старался писать вместе со всеми, но строки расплывались. Стоило мне перевести глаза на доску, как в голове начиналась тихая паника: «Не забудь, не ошибись». А стоило заметить её профиль — как я снова терял нить. Мне казалось, что даже воздух в кабинете стал плотнее, чем обычно, и ладони вдруг стали горячими, хотя в классе было прохладно.

Я поймал себя на том, что слушаю не химические формулы, а паузы между словами. Она тоже кивала, когда учитель говорил что-то важное, и этот кивок был почти незаметным, как легкая реакция на невидимый раздражитель. Когда прозвучал вопрос с места, она подняла руку — уверенно, без суеты. Я удивился: в её голосе не было зажатости, хотя я чувствовал, что сам бы на её месте провалился. С этого момента меня будто перевернули с ног на голову: вроде урок идет, а внутри — первый раз за долгое время — что-то начало дрожать и радоваться одновременно.

К концу урока я смотрел на тетрадь и думал, что конспект выглядит... странно. Там было больше моих попыток удержаться, чем того, что требовалось. Зато в голове оставалось одно ясное ощущение: я не просто заметил одноклассницу — я впервые за партой почувствовал себя мальчишкой, который вырастет слишком быстро. И это чувство оказалось сильнее звонка, сильнее привычки. Даже когда учитель сказал «Записываем домашнее», я слышал лишь собственное сердце: оно будто искало её взгляд и не хотело ждать до перемены.

Записки между строчек

Поначалу казалось, что тайная переписка — это что-то из чужих разговоров: «когда-нибудь у кого-нибудь такое было». Но в тот же день всё случилось слишком естественно, как будто класс просто ждал повода. Пока учитель проверял задания, кто-то у заднего ряда уронил обрывок бумаги. Он прилип к краю парты и будто сам попросился стать началом истории. Я не собирался вмешиваться — просто взгляд зацепился за знакомый почерк: слишком ровный, слишком быстрый, чтобы быть случайным.

На следующей перемене я увидел, как это делается. Ребята не бросали записки прямо в руки — они действовали иначе, как химики с осторожными пробирками: поддевали под тетрадь, словно добавляли реактив в нужный момент. Бумага скользила тихо, почти не издавая звука, и исчезала так же быстро, как появлялась. Меня поразило не содержание — а сам принцип: можно говорить то, что не скажешь вслух, и при этом оставаться частью общего урока.

Вернувшись за парту, я вдруг понял, что тоже хочу в это «невидимое». Сердце толкнуло мысль: «Почему бы нет?» Но рука сомневалась, будто не знала, писать или нет, правильно ли это. Тогда я сделал самое безопасное: добавил на поля рядом с конспектом одну короткую фразу — нейтральную, но теплую. Смысл был простой: заметить, что человек существует. Сначала я даже не ожидал ответа. Я просто хотел проверить, не исчезнет ли моя смелость вместе с уроком.

И, конечно, ответ пришёл — не громкий, не очевидный. На следующем листе, где учитель просил дописать формулировку, появилось несколько строк, переданных под тетрадь. Они были аккуратные, чуть торопливые, с одной улыбкой в конце, как капля, из которой вдруг рождается целая смесь. Я не решился сразу смотреть прямо на неё, чтобы не выдать себя, и только сравнивал: совпадает ли почерк, совпадает ли интонация, совпадает ли ощущение, что за словами прячется настоящий интерес.

Так химия стала не только уроком, а примером: смешиваются люди, мысли и страхи — и получается то, чего раньше не было. Записки между строчек оказались мостиком, по которому чувства пробираются осторожно, но уверенно. И впервые мне стало ясно: первая симпатия может начинаться не с признания, а с тихого «я тоже тебя заметил», которое спрятано под обложкой тетради и дышит до следующего звонка.

Звонок на перемену — сердце бьётся чаще

Когда учитель закончил объяснять и начал что-то чертить на доске, время словно перестало течь ровно. Я сидел, делал вид, что записываю формулы, но взгляд снова и снова возвращался туда, где сидела она — новая одноклассница. Её тетрадь лежала так же аккуратно, как и моя, только линии в ней выглядели смелее. Я не мог понять, откуда берётся это ощущение: будто в груди кто-то тихо подталкивает, чтобы я не пропустил ни одного движения. Химия шла своим чередом — реакции, условия, объяснения — а у меня всё было переведено на другой язык, где важнее становится не «почему», а «увидит ли она» и «замечу ли я».

Звонок прозвенел так неожиданно, будто его подмешали в урок, как реактив. Мы поднялись почти одновременно, но в классе всё равно было слышно, как у кого-то дрожит стул, как шуршат по полу портфели, как кто-то смеётся слишком громко, чтобы скрыть волнение. Я тоже поднялся, но внутри будто остался сидеть на месте — с тетрадью на коленях, с карандашом, который на секунду забыли убрать. Перемена сразу стала длиннее урока, хотя длилась столько же. Наверное, дело было в ожидании: я хотел встретиться взглядом, хотел, чтобы всё выглядело случайно, и при этом боялся, что случайности не будет.

Мы выходили в коридор волнами. Кто-то толкал плечом, кто-то спорил о домашке, кто-то обсуждал, какой учитель ставит оценки строже. А я словно жил на расстоянии вытянутой руки от обычной школьной жизни. Мне казалось, что достаточно повернуть голову — и всё станет ясно: она здесь, рядом, в коридоре, или опять где-то за стеной звуков. Я ловил себя на том, что ищу не человека, а детали: как она поправляет волосы, как быстро оглядывается, прежде чем ответить, как при разговоре делает паузу, будто прислушивается к словам, как к формуле, которую ещё нужно понять.

И вот в этой суете случилось самое простое. Я увидел её профиль в дверном проёме, и она — будто бы не нарочно — тоже посмотрела в мою сторону. Мы не улыбнулись сразу. Улыбка была бы слишком явной, слишком похожей на признание. Вместо этого мы сделали то, что делают школьники, когда не знают, куда деть эмоции: просто кивнули, как будто обсуждаем урок. Сердце всё равно билось чаще, чем позволяли правила спокойствия, и я понял, что перемена — это не просто пауза между уроками. Это короткое окно, где можно попробовать сказать взглядом то, что не решился бы произнести вслух. Когда гудок позвал обратно в класс, я пошёл к своему месту уже чуть тише, будто боялся спугнуть то хрупкое ощущение, которое наконец появилось — и теперь требует продолжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.